

Рассмотрим еще одно заимствование, слово *zapping*, проникнувшее во французский словарь из английского языка. Это слово полностью сохранило свою форму, произношение и значение.

Слово *zapping* используют для обозначения действия переключения каналов телевизора (*pour désigner l'acte de zapper*) на расстоянии. То есть, слово *zapping* имеет значение дистанционного переключения телевизора.

Позднее от слова *zapping* во французском языке были образованы еще два слова: глагол *zapper* и существительное *zappeur* (дистанционный переключатель телевизионных программ).

Приведем также пример слова *parking* (паркинг, автостоянка), на базе которого был образован глагол *parquer*.

Эти примеры заимствований показывают, что процесс словообразования продолжает действовать в современном французском языке, образуя по существующим моделям новые слова, даже от заимствований.

Но следует отметить, что не все англицизмы сохраняют свое произношение, перейдя во французский язык. Таков случай со словами *parking*, *pressing*.

То есть, французы пытаются провести фонетическую «францизацию» заимствованных слов там, где это представляется возможным. Во французском языке нет звука *-ing*, который бы на письме обозначался *ng*, а есть звук *-gne*, который произносят, как в слове [*agneau*], или [*oignon*].

Также не произносят [*tenismen*], а произносят [*tenisman*] (в английском нет слова *tennisman*, а есть *tennisplayer*; первое является французским образованием). Можно также привести примеры слов *cameraman*, *sportsman*, *barman*.

Мы попытались рассмотреть примеры английских заимствований, которые произносятся по фонетическим правилам французского языка. Фонематическая система справедливо считается одной из стойких в языке по отношению к иноязычным влияниям.

Таким образом, рассмотрев примеры заимствований, следует заключить, что это очень продуктивный способ пополнения словарного состава французского языка, который продолжает действовать в настоящее время.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АБСТРАКТНЫМИ ИМЕНАМИ РАЗНЫХ ТИПОВ ЗНАНИЯ (В ЯЗЫКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Кузикович Г. П., Белорусский национальный технический университет

Прежде чем рассматривать особенности языковой репрезентации знания, уточним понятие языка профессиональной коммуникации, или языка для специальных целей (нем.: *Fachsprache*, англ.: *language for special proposal*), который в документах Международной организации по стандартизации определяется как лингвистическая подсистема, использующая терминологию и другие лингвистические средства и предназначенная для недвусмысленной коммуникации в определенной профессиональной сфере.

Одним из условий успешного обучения языку профессиональной коммуникации является формирование лексической компетенции, в частности, навыков семантизации лексики и способности оперировать закодированной в словесных знаках информации, составляющей лингвистическое и экстралингвистическое знание.

Лингвистическое знание включает сведения о словообразовательной структуре номинативной единицы, о ее месте в системе языка (парадигматические и синтагматические связи), о принадлежности к определенной лексико-семантической категории. Частично, через «ближайшее» значение, номинативная единица имплицитно также экстралингвистическое знание. Язык объективирует разные типы знаний, и потому ему принадлежит особая роль: из него мы получаем «знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира» (А. А. Потебня). С помощью обобщающей силы слова опыт превращается в знание как совокупность объединенных в определенную систему сведений.

К числу дискуссионных относится вопрос о репрезентации и связи разных типов экстралингвистического знания — донаучного и научного. На обыденном уровне формируются житейские понятия, или представления, в которых преобладают перцептивно-эмпирические признаки познаваемых объектов; при этом лишь отдельные фрагменты полученной информации связаны между собой. Научное же познание связывает представления причинно-следственными и другими видами логической связи, устанавливает их системную организацию и утверждает обоснованность в рамках определенного периода времени. Оно представляет собой продукт целенаправленного, более глубокого осмысления и обобщения существенных свойств (раскрывающих внутреннюю природу) предметов и явлений в результате отвлечения от второстепенных (индивидуальных) свойств.

Существуют разные мнения относительно связи терминосистем и общеупотребительной лексики с точки зрения объективации разных типов знания. Одни исследователи проводят довольно жесткую границу между общеупотребительным словом и термином (В. М. Лейчик, А. В. Суперанская и др.); другие видят за термином одну из функций обычного языкового знака, соотносящую этот знак с особой сферой его употребления (Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, М. Н. Володина и др.); третьи считают нецелесообразным проведение жесткого разграничения обыденного и научного знания, поскольку наука постоянно «подтягивает» продукты здравого смысла до научного понятия (М. В. Никитин, В. В. Лазарев и др.).

Последняя точка зрения, восходящая к учению А. А. Потебни о «ближайшем» и «дальнейшем» значениях слова, представляется нам приемлемой в том смысле, что формирование научных знаний базируется на знаниях, полученных из повседневной практики. Как следствие этого, лексика многочисленных профессиональных языков и общеупотребительная лексика находятся в отношении взаимодополняемости. Чем больше информации, совпадающей с наиболее существенными свойствами познаваемого объекта, содержится в семантике общеупотребительного слова, тем выше верооятность его терминологизации.

Первые две точки зрения также содержат, на наш взгляд, определенное рациональное зерно, поскольку как общеупотребительная, так и терминологическая лексика неоднородны с точки зрения «совмещения» разных типов знания. Анализ абстрактных имен существительных немецкого языка показывает, что трудно провести разграничение между разными типами знания, объективированными общенаучной лексикой, например, *die Annahme* (die Hypothese), *die Grundlage*, *der Grundsatz*, *der Lehrsatz*, *die Lehre*, *die Richtung*, а также специальной лексикой из таких сфер, как спорт, образование, политика, ср.: *das Turnen*, *der Lehrgang*, *die Erziehung*, *die Macht*.

Что же касается узкоспециальной лексики типа *die Äugigkeit* (мед. доминирование одного глаза), *die Abfindung* (юр. уплата единовременного пособия), *der Aufbau* (хим. синтез), *die Zerlegung* (лог. анализ), *die Mehrdeutigkeit* (лингв. полисемия), *der*

Wert (мат. значение, величина), то очевидно, что она выступает носителем и хранителем информации, которая имеет особую ценность в конкретной области знания.

Пожалуй, наиболее ярко особый информационный статус термина проявляется в единицах, созданных номинальным определением, когда силой человеческого разума в одно понятие объединяются концепты, не имеющие прямого соответствия в онтологии. Проиллюстрируем это на примерах из области физики: die Kraft (сила — произведение массы на ускорение), die Arbeit (работа — произведение силы на перемещение), die Leistung (мощность — частное (от деления) работы на время).

Дефиниции терминов и консубстанциональных соответствий в общеразговорном языке содержат разный набор признаков, что дает основание рассматривать термин как особую информационную структуру, в которой хранится вербализованное профессионально-научное знание. Как единица фиксации специального знания термин предстает в определенной сфере, в определенный момент и на определенный срок, допуская перекодирование.

СПЕЦИФИКА ИНФИНИТИВА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Куркович Н. А., Минский государственный лингвистический университет

Значения возможности и необходимости занимают особое положение среди других модальных значений. Они составляют так называемую «потенциальную» модальность, в которой отражается связь между реальностью и ирреальностью. Средства выражения данных видов модальности образуют достаточно разнообразное функционально-семантическое поле, ядром которого, бесспорно, являются лексические средства, а именно модальные глаголы. Большую группу представляют глаголы, существительные и прилагательные, содержащие в своей семантике указанный модальный компонент. На периферии поля находятся синтаксические конструкции, способные передавать значение возможности и необходимости.

Среди факультативных средств выражения значений возможности и необходимости в английском языке используются инфинитивные конструкции в функции определения. Семантической спецификой таких инфинитивных предложений является обозначение ими потенциального действия. В белорусском языке инфинитивные конструкции в функции определения не содержат указанный семантический компонент в своем значении, поэтому модальности возможности или необходимости, выраженные в английском языке инфинитивом в функции определения, передаются на белорусском языке модальными глаголами или другими модальными предикатами.

В некоторых случаях инфинитив в функции определения в одном и том же синтаксическом окружении может иметь двоякое толкование, т.е. передавать либо возможность совершения действия, либо необходимость *He is just the man to do it (... якi можа/навінен зрабіць гэта)*. В подобных случаях правильно интерпретировать инфинитивную конструкцию позволяет контекст, и в первую очередь претекст. Так, в предложении *Now we are in a position to verify part (b) (... можам правесці ...)* слово *now*, как связка с предыдущими предложениями текста, где описываются определенные операции, в результате которых появилась возможность реализации действия, выраженного инфинитивом.